

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

**Редакционно–издательская группа
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
представляет
лучшие романы Сергея Алексеева**

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Стоящий у солнца
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Страга Севера
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Земля сияющей власти
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Звездные раны
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Хранитель силы
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Птичий путь

* * *

Волчья хватка

Волчья хватка – 2

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

ВОЛЧЬЯ
ХВАТКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44
А47

Художник — *Андрей Лушаев*
Компьютерный дизайн — *Галина Смирнова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Алексеев, Сергей Трофимович.

А47 Волчья хватка : [роман] / Сергей Алексеев. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 416 с. — (Сокровища Валькирии: лучшие романы Сергея Алексеева).

ISBN 978-5-17-090180-7

Герой остросюжетного романа «Волчья хватка» Вячеслав Ражный — президент охотничьего клуба, бывший боец спецназа погранвойск. Но это всего лишь малая, видимая простым смертным, часть его бытия. Ражный — вотчинный араке, воин Засадного Полка, созданного еще в XIV веке Сергием Радонежским. В тяжелые для России годы Сергиевы ратники, владеющие особым боевым искусством, которое передается веками от отца к сыну, приходят на помощь Родине. В мирное время они решают вопросы жизни и смерти между собой. Ражный, выстоявший в своем первом поединке, готовится к новой схватке с братом-араксом. Но куда опаснее будет столкновение с обычными людьми в современном мире, где в волке больше человеческого, чем в самом человеке...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090180-7

© Алексеев С.Т., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Распятый веревками по рукам и ногам, он висел в трех метрах над полом и отдышал, слегка покачиваясь, словно в гамаке. Натяжение было настолько сильным, что Ражный нисколько не провисал, и потому казалось, воздух пружинит под спиной, как батут, и если прикрыть глаза, можно ощутить чувство парения. Сухожилия и кости давно уже привыкли к бесконечному напряжению, и теперь вместо судорожной боли он испытывал легкое, щемящее сладострастие, чем-то напоминающее приятную ломоту в мышцах и суставах, когда потягиваешься после сладкого сна. Однако похожесть была лишь в ощущениях, поскольку это состояние имело совершенно иную природу и называлось Правилом (с ударением на первый слог), своеобразная пограничная фаза, достигнув которой, можно в любой момент произвести энергетический взрыв, например повалить столетнее дерево, задавить руками льва или медведя, сдвинуть неподъемный камень.

Или, оттолкнувшись от земли, подняться в воздух...

Подобные вещи обыкновенные люди проделывают в состоянии аффекта или в крайней критической ситуации, совершая непроизвольные, нечеловеческой силы действия, повторить которые никогда потом не могут. Снимают с рельсов трамвай, переехавший ребенка, или прыгают за ребенком с высоты девятого этажа и остаются живы и невредимы. Бывает, и летают, да только во сне и в детстве...

Управляемостью Правил можно было овладеть лишь на этом станке, в течение долгого времени распиная себя на добровольной голгофе и постепенно сначала увеличивая, а затем снижая нагрузку. Суть управления заключалась в способности извлекать двига-

тельную энергию не из мышц, чаще называемых среди араков сырыми жилами, не из этой рыхлой, глиноподобной и легкоранимой плоти, а из костей, наполненных мозгом, и сухих жил — избыточного, неостребованного и неисчерпаемого хранилища физической и жизненной силы. Костная ткань и, особенно, мозг имели способность накапливать огромный запас энергии солнца (в том числе, и радиации), но человек давно разучился высвобождать и использовать ее, отчего происходил обратный эффект: плоть от перенасыщения активной «замороженной» силой быстро старела, вместо радости бытия развивались болезни, и век человеческий вместо двух, трех сотен лет сокращался вчетверо. Поэтому араки не были сажеными гигантами с метровым размахом плеч, как обычно представляют себе богатырей, почти не выделялись в толпе каким-то особым телосложением; чаще, наоборот, выглядели сухощавыми и жилистыми, но с широкой костью.

И жили так долго, что вынуждены были прятать свой возраст.

Сам тренажер тоже назывался правилом, только с ударением на второй слог, и потому говорили — поставить или поднять на правило, то есть после Пира, первого в жизни поединка, который увенчался победой, араку давали право овладеть этим состоянием. В названии станка точно отражалось его назначение — выправить плоть человека, вернуть ее в первоначальное состояние силы и свободы, а значит, и исправить духовную сущность. На первый взгляд он был прост, как все гениальное: в четырех углах повети на крючьях подвешивались точеные дубовые блоки, через них пропускались мягко витые, но прочные и пружинящие веревки из конского волоса, с одного конца цеплялся груз, с другого — запястья и лодыжки. Чтобы подвесить себя на эти растяжки, не требовался даже помощник. Противовесы в углах закреплялись на высоте с помощью сторожков, Ражный садился посередине пола, закреплял на конечностях кожаные хомуты, затем одновременно тянул все четыре веревки на себя. Сила падающего груза в одно мгновение вскидывала его вверх, раздавался низкий гул натянутых в струну бечевков, и прежде чем приступить к специальным упражнениям, он несколько минут покачивался, будто на волнах.

Для мирских людей подобное приспособление показалось бы орудием пытки...

Ражный вздымался на правиле, когда на базе не было посторонних, зная, что свои не станут беспокоить. И в этот раз он не ждал

гостей, однако в самый неподходящий момент к нему пришел калик. Этих всезнающих вечных путников не чуяли собаки, не держали замки и запоры, и ходили они так, что ни сучок под ногой не треснет, ни половица не скрипнет, потому он в буквальном смысле явился, вдруг обнаружив себя голосом.

— Здравствуй, Сергиев воин, — послышалось от дверей. — Не ждал ли ты гостя из Сирого Урочища?

Называя Ражного по-старинному, пришедший подчеркивал к нему уважение, поскольку в последнее время засадники называли друг друга просто защитниками, что и означало слово аракс. Калики переходящие — наказанные араксы, жили общинно в Сиром Урочище, своеобразном скиту. И были еще там калики верижные, носящие на теле своем тридцатипудовые цепи — вериги, которыми усмирялась взбесившаяся плоть. Иначе их называли болящими, поскольку они когда-то переусердствовали в достижении Правила, перетрудились на правиле и, единожды войдя в состояние аффекта, более никогда не выходили из него и, не чувствуя, не соразмеряя силы своей, переступали неписанные законы — до смерти били соперников в Урочищах, буйствовали и колотили народ в миру. Тяжкие вериги приносили им со временем обратный эффект, достигаемый на правиле: наказанные араксы слабели и превращались в «ослабков» — уродливых, кривоногих, горбатых и физически убогих людей, кончающих жизнь свою в том же Сиром Урочище, где исполняли нехитрые обязанности по хозяйству, или уходили в мир, становились юродивыми, блаженными мудрецами.

Традиция эта соблюдалась жестко и неизменно со времен Сергия Радонежского, который не бросал в тюрьмы и подземелья провинившихся, а напротив, приближал к себе, держал под рукой и перед своим недремлющим взором.

Накануне схватки приход калика мог означать самое неприятное и обидное — потерю поединка. Духовный старец и судья Ослаб мог по каким-то причинам, скорее всего самым невероятным, не признать его победу на Пире — первой в жизни схватке, отдать ее Колеватому и прислать порученца с этой несправедливой вестью. Отец говорил, подобное случалось, если побежденный соперник приводил старейшине веские аргументы и доказывал, что вотчинник, на ристалище которого происходила схватка, и особенно Пир, пользовался запретными средствами или приемами.

— Я Ражный вотчинник, — ответил он. — Здравствуй, калик.

— Не спускайся с правила, — предупредил тот. — Дело у меня минутное...

— Говори.

Он ждал посланца не от Ослаба — от Пересвета. Накануне поединка калики приносили Поруку — время и место следующей схватки. Если одержишь победу — сам пойдешь, а побежден будешь — передашь своему противнику, когда тот подаст тебе руку, чтобы помочь встать на ноги.

Сейчас он не мог видеть калика, стоящего внизу, и, судя по голосу, это был старый и неторопливый аракс, за что-то упеченный в Сирое Урочище.

— Боярин велел сказать, та Порука, что ты получил после Пира, отменяется.

Поруку дал Колеватый, когда лежал побежденным на вспаханном ристалище.

Ражный напрягся и совершил невозможное — повернул голову на сто восемьдесят градусов и увидел калика: пожилой, сутуловатый человек с огромными и длинными руками. Не приведи Бог браться с таким...

Калик манежил, тянул время, но он вытерпел и лишь покачался на веревках, разминая мышцы рук. Единственным фактом, который Колеватый мог привести в качестве аргумента против полноценности Ражного, как аракса, была старая, давно обросшая мышцами рана на боку, где осколком мины вышибло ребро. Соперник мог доказать Ослабу, что во время схватки его неотвязно преследовала мысль любым неосторожным движением или ударом нечаянно убить Ражного, и потому-де, мол, чувствовал скованность во время поединка, чем и воспользовался пирующий аракс.

Но тогда это была бы явная кривда, ибо Колеватый увидел рану лишь перед сечей, а в периоды кулачного зачина и братания она была прикрыта рубахой.

— Твой соперник, славный аракс Стерхов, месяцем назад в миру погиб, — наконец-то снова заговорил калик. — Банальная автокатастрофа...

Ражного едва удержали веревки и противовесы — тело враз обрузало и потянуло к земле...

Смерть будущего поединщика означала, что победа в несостоявшейся схватке отдана ему. И в этом подарке не было ничего хорошего, если ты истинный аракс и тебе предстоит еще много поединков на земляных коврах, где в каждом последующем нужно ждать соперника более сильного, чем предыдущий.

— И что же?.. Пересвет лишил меня поединка?

Калик стоял внизу, как палач возле поднятой на дыбу жертвы, и мучил — тянул время.

— Не лишил, не бойся. — Еще и засмеялся, подлый! — Мужу боярному понравилось, как ты отделал Колеватого. Славно ты попировал, Ражный! А ведь Колеватый ходил в твою вотчину, чтоб зеленые листья с тебя сколотить...

— Где и когда? — перебил его Ражный.

Калик понял суть вопроса, но отвечать не спешил.

— Ослаб с опричиной скорбят по нему, а ты радоваться должен. Я тягался со Стерховым... Уверяю тебя, зачин бы ты выстоял, а вот братание вряд ли...

— Меня не интересуют твои прогнозы, сирый, — резко оборвал он. — Говори!

— Срок и место Пересвет решил не переносить. Сказал, пусть будет, как было, ваш поединок — Пир Тризный и посвящен памяти славного аракса.

Разница в обыкновенном и тризном поединке состояла в том, что в последнем запрещалось стоять насмерть...

— Кто противник? — помедлив, спросил Ражный, хотя не надеялся услышать имя.

— Тебе еще раз повезло, — вздохнул калик. — Пересвет к тебе благоволит. Не знаю уж, по какой причине... Может, из-за отца твоего, а может, из-за победы над Колеватым... Но имя назвал. Против тебя выйдет Скиф. Слышал о нем?

— Не слышал...

— Ну да, ты же недавно пировал, — не удержался укорить молодостью калик. — Так вот знай, Скиф посильнее Стерхова, это я тебе говорю. Но ты приготовь достойный дар вотчиннику Вятскополянскому, не скупись. Мой тебе совет — пригони ему тот джип, что Колеватый тебе подарил. Только молчи, я тебе ничего не говорил!.. Отец Николай любит кататься с ветерком, а ездит на драных «Жигулях», но у него там жуткое бездорожье. И он тебе

все устроит. Он пять лет назад единоборствовал со Скифом, и тот батюшкой чуть ли не пол-урочища вспахал, как сохой. В Белореченском Урочище сходились... Так что Николай до сей поры этого забыть не может.

Калики кроме своих повинных обязанностей были добровольными разносчиками новостей, слухов и сплетен; они знали все, что творится в Засадном Полку, а также то, например, о чем думают или о чем хотят подумать старец Ослаб и боярый муж Пересвет.

— Я взятки давать не буду, — прервал его Ражный. — Тем более колеватовского джипа уже нет...

— А где же он?! — будто бы изумился калик, хотя должен был знать, что все дорогие подарки вотчинники передают в казну Сергиева воинства.

— Сирый, ты меня притомил...

Тот нарочито обиделся.

— Ну, тогда тебе лучше с правилами не сходить, если хочешь выстоять хотя бы до братания! Вот и виси под крышей, как муха в тентах!

— Мне не нужны советы, — отрезал Ражный. — Скажи-ка лучше, принес ли ты новую Поруку?

— Нет, не принес. Боярин велел сказать лишь то, что сказал. А насчет новой Поруки — ничего. Может, он уверен, что ты Скифа одолеешь, так ему сообщил, где и когда следующий поединок.

— Ладно, иди, если все сказал!

— Какой строптивый! — усмехнулся калик. — Хотел бы я посмотреть, как ты со Скифом схватишься! Особенно в кулачном зачине!.. Так что Пересвету передать?

— Я перемену принял и жаловаться не стану.

— Так и передам!.. Слышишь, Ражный, подбрось на дорогу? К тебе добираться — беда, а таксисты цены ломят... Ну не пешком же мне ходить в конце двадцатого века! Работать некогда, воровать не пристало...

Ражный ждал такого вопроса, потому что не был бы калик, если б не выпросил что-нибудь.

— На вешалке куртка, — сказал он. — В кармане бумажник... Возьми сколько есть.

Сирый пошелестел, как мышь сухарями, протянул разочарованно:

— Тут всего-то двадцать баксов...

— Чем богаты, тем и рады...

— Ну тебя, Ражный! Все вотчинники прибедряются. А у кого нынче деньги? У вас да у опричников! Те так вообще ни гроша не дадут, поезжай на что хочешь...

— А ты их видел когда-нибудь? Опричников?

Калик спрятал деньги, помялся.

— Видеть не видел... Чтоб вот так явно! Кто из них признается?.. Но некоторых иноков подозреваю. Кстати, вот этот Скиф — один из них. Весь какой-то таинственный, ходит призраком, говорит загадками... И женился недавно!

Его подмывало выдать Ражному какие-нибудь последние сплетни, которых нахватался, путешествуя от аракса к араксу, и разумеется, не бесплатно...

— До свидания, сирый! — громко сказал Ражный, оборвав его на полуслове. — Дверь запири, как было.

— Ну, будь здоров, вотчинник!

— Скатертью дорога, Сергиев калик!

Он ушел так же неслышно, как появился, лишь сорока протрещала на опушке леса, давая сигнал, что видит человека. Ражный выждал минуту, отключился от реальности, полностью отдаваясь состоянию Правила, однако имя вольного поединщика — Скиф — осталось в сознании и откровенно мешало сосредоточиться. Тогда он сделал глубокий вдох и затаил дыхание минут на пять: это обычно помогало, поскольку кислородное голодание прочищало подсознание. Образ соперника, выраженный в имени, постепенно растворился, перед глазами поплыли радужные пятна, и тогда он выдохнул и свел руки, подтягивая противовесы. Это было исходным положением для «мертвой петли» — кувырка через спину.

Но выполнить упражнение он не успел, ибо вдруг услышал злобный лай сторожевой овчарки Люты, сидящей на цепи, и мгновение спустя дружно и яро заорали гончаки в вольере.

Вот уже две недели, как Ражный разогнал в отпуски всех егерей со строжайшим запретом ни под каким предлогом не являться на базу; мыслил перед поединком побыть в полном одиночестве и подготовиться без чужих глаз.

Судя по лаю, пришел кто-то посторонний...

Он подождал пару минут — псы не унимались, незваный гость нагло рыскал по территории, чем и приводил собак в неистовство.

Ражный вспомнил, как однажды на базу залетел Кудеяр, и вместо «мертвой петли» освободил руки от хомутов, после чего, удерживаясь за веревки, подтянулся и поочередно снял растяжки с ног. Обернутые войлоком противовесы с глухим стуком опустились на пол. Сойдя с небес, он аккуратно смотал и убрал веревки, вышел из повети и запер дверь на ключ: о существовании тренажера, как, впрочем, и о тренировках, никто не знал и знать не мог ни под каким предлогом.

Откидывая железный затвор на входной двери, он услышал мягкие шаги на ступенях и короткое, запаленное дыхание...

На крыльце стоял волк — необычно крупный переярок, возраст которого мог отличить лишь опытный глаз. По-собачьи вывалив язык и по-волчьи поджав хвост, он смотрел настороженно и дерзко, готовый в каждое мгновение отскочить назад и скрыться в высокой траве.

— Молчун? — спросил Ражный.

Волк медленно расслабился и сел, однако в глазах остался испытывающий звериный лед. Гончаки заорали дружным хором, почуяв близость хозяина.

— Каким же тебя ветром занесло?.. И не узнать, совсем взрослый волчара. Жив, значит, брат? Это уже хорошо...

Молчун вслушивался в человеческую речь и постепенно оттаивал. Ражный сел на ступеньку крыльца, притиснувшись позвоночником к основанию резного столба, а волк неожиданно ткнулся в его опущенные руки, замер на мгновение, после чего стал вылизывать натертые до мозолей, напряженные запястья. И это было не проявлением ласки и преданности — своеобразным приветствием, некоей обязанностью ухаживать за вожаком.

— Я предупреждал, — не сразу и назидательно сказал Ражный, чувствуя, как под волчьим языком гаснет жгущая боль. — Никогда не приходи ко мне... Я запретил тебе являться. Ты убил человека. Ты дикий зверь и больше ничего.

Переярок отступил назад и сел с виновато опущенной головой. На широком его лбу Ражный заметил тонкий просвет белой шерсти — верный признак заросшей раны, оставленной пулей или картечиной. Значит, уже досталось от кого-то...

— Все равно уходи, — приказал он. — В другой раз умнее будешь.

Молчун неожиданно вскинул морду и провыл низким, рокочущим басом — в глубине дома зазвенели тарелки в посуднике. А гончаки в вольере разом примолкли, и только кормилица Гейша заскулила радостно, загремела сеткой: трубный голос был умоляющим, призывным и требовательным одновременно.

— Что ты хочешь сказать? — Он настороженно встал, и зверь тотчас же соскочил с крыльца, отбежал в сторону берега и сел, поджидая человека и предлагая следовать за ним.

— Не пойду! — крикнул ему Ражный. — Я занят, понял? Через три недели поединок! Все, гуляй!

И ушел в дом. Волк в несколько прыжков снова оказался на крыльце, с ходу толкнул лапами дверь и тут же лег у порога, не смея ступить в жилище вожака. Проскулил просительно, так что Гейша в вольере заходила кругами и заревела по-матерински в голос.

— Ну, что там стряслось? — после паузы ворчливо спросил он и сдернул охотничью куртку с вешалки. — Без меня там никак?.. Мы же договорились: ты дикий зверь и живешь по своим волчьим законам. Я — по своим... И пути наши не должны пересекаться.

Молчун, как и положено, молча проследил за сборами, и когда Ражный взял карабин, так же беззвучно сошел с крыльца и потрусил к реке. На берегу он сел мордой к воде, подождал вожака.

— Понял, — обронил тот и полез в лодку.

Выждав, пока он запустит двигатель, волк демонстративно побежал кромкой яра вверх по течению, но за поворотом внезапно обогнал моторку, прыгнул в воду и поплыл наперерез. Ражный решил, что Молчун пытается таким образом пересечь в лодку, и сбавил газ, однако зверь спокойно пересек кильватерную струю и направился к противоположному берегу.

— Как хочешь, — буркнул Ражный и добавил скорости.

Волк же выбрался на сушу, встряхнулся и стремглав скрылся в густом чащобнике. И пока Ражный объезжал речную петлю в полтора километра, зверь миновал узкий перешеек и поджидал вожака у воды.

Подобная гонка длилась около получаса, прежде чем Молчун перестал пропадать из виду и пошел строго по берегу, в пределах видимости. Между тем осенний день был на исходе, низкие серые тучи отражались в воде, и этот сумеречный свет скоро затянул все пространство. Серый зверь почти растворялся в нем, и заметить его

путь можно было лишь по шевелению сухих трав и резкому дрожанию ивовых кустарников возле уреза воды.

На очередном повороте неподалеку от разрушенного моста волк исчез, однако Ражный заметил силуэты лошадей на фоне белесых кустарников и лишь потом машущих руками людей. Резко сбавив обороты, он подчалил к берегу и одного узнал сразу — старший Макс, сын фермера Трапезникова. Второй же, молодой человек с кожаной сумкой на плече, одетый явно не для лесных походов, был незнакомым и, скорее всего, не из местных жителей. Он держался особняком, бродил вдоль речной отмели и казался безучастным к происходящему, тогда как Трапезников чуть ли не в воду лез, встречая лодку.

Ражный заглушил двигатель, и Макс вдруг застыл возле борта, глядя мимо.

— Ну, и что молчим? — спросил Ражный, слушая свой незнакомый голос в наступившей тишине.

Трапезников сел на нос лодки, повесив голову, незнакомец достал сигареты и закурил, и тут из прибрежных кустов появился младший, постоял мгновение, как сурок, внезапно заплакал навзрыд, чем окончательно встревожил Ражного, и снова скрылся.

Они были погодками, девятнадцати и двадцати лет от роду, высокие, широкоплечие, с исключительно гармоничной мускулатурой и, несмотря на молодость, степенные, чинные и немногословные. Старшего звали Максимилиан, младшего — Максим. Впрочем, вполне возможно, и наоборот, поскольку и родители не были точно уверены, кого как зовут на самом деле, выправив метрические свидетельства лишь спустя три года после рождения, поэтому их звали просто Максами. Их отец в придумывании имен своим детям отличался оригинальностью и одну из дочерей назвал даже Фелицией, таким образом наградив обидной для девочки кличкой Филя — как ее немедленно окрестили в сельской школе.

Оба Трапезниковых уже около года находились в розыске, как уклоняющиеся от призыва на действительную военную службу.

Братья вряд ли когда плакали, выросшие в суровой природной среде, и потому у младшего получался не плач, а отрывистый, сдавленный вороний клекот, доносившийся из кустов.

— Заткнись, — сказал ему Ражный. — Слушать противно... Мужик!

Молодой человек с сумкой наконец-то приблизился к лодке и представился без всяких эмоций:

- Я врач районной больницы.
- И что дальше? — поторопил он.
- Нужно доставить труп в морг.

Ражный помолчал, спросил натянуто:

- Какой еще труп?

Тем временем старший Макс сполоснул водой лицо, проговорил отрешенно:

- Она умерла...
- Кто — она?
- Дядя Слава, она умерла! — в детском отчаянии крикнул он. — Сейчас, на наших глазах! — И с ужасом посмотрел туда, где стояли кони и откуда доносился плач младшего.

Ражный догадывался, кто мог умереть, но не хотел, не желал верить и еще надеялся услышать другое имя...

— Может, ты объяснишь, кто? — спросил у врача и вышел на берег.

— Не знаю, — обронил тот и замялся. — Документов нет... Женщина лет двадцати. Меня привезли к больной... Очень красивая... девушка.

За безучастием и равнодушием доктора скрывались растерянность и сильное волнение: вишнево-синие протуберанцы исходили от него в разные стороны и стелились над землей клочковатыми сполохами.

— Ты же помнишь, дядя Слава, — в сторону проговорил старший Макс. — В прошлом году девушка потерялась, Миля звали... Милитина полное имя...

Ражный молча направился к лошадям, привязанным за корягу на склоне берега, Трапезников и врач тотчас пошли за ним.

Завернутое в пододеяльник тело лежало на примитивной волокуше, видимо, только что изготовленной из двух срубленных берез. Возле него сидел младший Макс, держа руки покойной в своих руках — будто отогреть пытался.

Еще год назад, когда Ражный в последний раз видел Милю, она была красавицей. Точнее, не просто смазливой и ухоженной, каких сейчас было много, а потрясающей воображение, ибо никто ему так не снился, как эта девица легкого поведения.